«О чтении романов»: «*Пользы* от них мало, а вреда много <. . .> Чтение романов не может называться препровождением времени; оно погубление времени». Впрочем, здесь же Сумароков делает характерную оговорку: «Я исключаю Телемака, Донкишота и еще самое малое число достойных романов».[20]

Исключение это не случайно: названные романы получили признание основателей классицизма благодаря своей «пользе», откровенному поучению. Так, политический роман Фенелона «Приключения Телемака» удостоился высокой оценки М. В. Ломоносова, а В. К. Тредиаковский переводит на русский язык «Аргениду» Дж. Барклая. Можно было бы привести и другие примеры «достойных» романов. Таким образом, система «высокой» литературы отрицает не жанр романа вообще, а его массовую, «простонародную» разновидность. Оказывается, что в этой позиции сходились как охранители старой, средневековой жанровой системы, так и создатели новой, отличной и от средневековья, и от беллетристической системы переходного периода. По этому поводу С. И. Николаев справедливо замечает, что причины неприятия «романцов» и «басен» могли быть различными, но «внешнее сходство позиций было тем более губительно для беллетристики».[21]

Именно поэтому, скорее всего, создатели нового русского романа в 1760-е гг. не пользовались термином *роман*. Как известно, М. Чулков называл свой «Пересмешник» *сборником рассказов и повестей*, а «Похождения Мирамонда» Ф. Эмина названы *книжицей*. По-видимому, дело здесь не только в неразработанности терминологии, но и в стремлении оградить свое творение от лишних нападок. К тому же ни Чулков, ни Эмин в 1760-х гг. еще не используют опыт своих предшественников начала века. Русская повесть/роман переходной эпохи «высокой» литературой забыта, и новый роман создается как бы заново, «на пустом месте». Попытки исследователей установить внутренние связи между названными произведениями М. Чулкова и Ф. Эмина и «петровской» повестью до сих пор результатов не дали. Только в 1770–1780-х гг. темы и сюжеты древнерусских повестей стали находить отражение в романе: как известно, в этот период Ив. Новиков перерабатывает «Повесть о Фроле Скобееве», Ф. Эмин — «Повесть о Карпе Сутулове», М. Комаров — «Гисторию о Гереоне». Тогда же появляются и лубочные обработки «Бовы» и «Францеля Венециана».

Таким образом, внимательное рассмотрение жанровой системы в русской литературе переходного периода показывает сосуществование и борьбу по крайней мере трех жанровых систем:

---

[20] Трудолюбивая пчела. 1759. Июнь. С. 374. Курсив мой.

[21] *Николаев С. И.* Литературная культура петровской эпохи. С. 14.